

Л. О. Утесов.

Эстрада — один из наиболее популярных видов искусства. Она максимально доходчива, она проникает в рабочий клуб, в цех. Она делается достоянием самых отдаленных уголков.

И вместе с тем эстраде не уделяется должного внимания. Она почти лишена руководства со стороны общественности, в нее не приходят крупные драматурги, композиторы и режиссеры. Она до сих пор отстает от других видов искусства.

В подобном положении находятся и крупнейшие представители эстрады, к числу которых принадлежит Л. О. Утесов. В октябре с. г. исполнилось 20 лет его творческой деятельности. На ее анализе можно проследить путь эстрады в целом со всеми ошибками, метаниями и чаяниями.

Сегодня мы начинаем печатать записки Л. О. Утесова. Редакция считает некоторые его высказывания дискуссионными. Вот почему, предоставляя страницы газеты тов. Утесову, мы организуем в то же время встречу с ним нашего читателя. Эта встреча даст возможность не только обсудить его творчество, но и предъявить своеобразный счет комсомола и всей рабочей молодежи, аттесованной эстраде в целом и тов. Утесову в частности.

Записки Л. О. Утесова должны помножить началом серьезной проверки комсомольской общественностью состояния эстрады, началом развернутой борьбы за социально-направленную, за подлинно большевистскую эстраду.

двадцать лет работы в театре и на эстраде! Как-будто пора подвести итог. Конечно, не немудрено писать, это рановато, да и вряд ли многие актерские немудры в том виде, в каком они в последнее время изготовляются издательством «Академия», могут кому-нибудь принести пользу. Мне просто хочется рассказать молодости (а это, мне кажется, можно сделать лучше всего на страницах комсомольской прессы) о пути, сложном и трудном, человека, связанного свою жизнь с эстрадой и театром, и высказать несколько мыслей о том, что сделано и что следовало бы еще сделать.

Маленькая экскурсия в прошлое.

Одесса. 1895 год. Треугольный переулок. Здесь началась моя жизнь вообще. Похвально пролетарским происхождением я, к сожалению, не могу. Мой отец был мелким служащим, семейный наш уклад был довольно мещанский, предельно мечтаний моих родителей было для дочерей (их было трое) среднее образование и замужество, для сыновей (их было двое) на выбор: инженер, доктор или юрист. В эти три профессии яли, вернее, в одну из них родители меня мечтали «всучить».

Еврейские мечты, как часто они разбивались о непреступную скалу черты оседлости и процентной нормы, установленной царизмом. Ведь, для всех этих профессий необходимо было раньше всего окончить гимназию. А знаете ли вы, что это такое? О гимназическом дипломе могли мечтать только избранные. Сыновья банкира Ашкинази, чаепромышленника Висоцкого и других не менее «потенциальных» одесских магнатов. Что же было делать мне? Во-первых, учиться было трудно, во-вторых, учиться я не любил. Я вот и сейчас пишу, а мне кажется, что я охотнее бы сыграл 25 спектаклей в течение одного вечера, чем написал одну страницу. Но родные требовали, и нужно было подчиниться. В то время это еще было принято. Я зубрил и плакал, я рыдал и зубрил, но рука моей мамашки так недумосмысленно подгоняла меня, что я все-таки выучил и таблицу умножения, и слова на букву «ять» и другие премудрости. И все-таки попасть в гимназию мне не удалось.

Первой моей школой был «хедер»*), обычно-

венный еврейский хедер. Знаете ли вы, что это такое? Представьте себе школу, где в течение целого года вам диктуют одно и то же, 4-5 строк. Эту диктовку мы писали 365 дней. Делали уйму ошибок, но никто их не проверял, и на «выпускном экзамене» опять писали эти же диктовки со старыми ошибками. Такова была система обучения в нашем хедере.

Вышел я оттуда не очень образованным человеком. Но Одесса — всегда Одесса. В Одессе всякий человек может найти пристанище потому, что Одесса, как известно, — это Одесса-мама. Было в Одессе коммерческое училище Файга. В это училище евреев принимали без ограничения формы. Делалось просто: каждый еврей должен был платить за одного русского и этим регулировалась 50-процентная норма, официально существовавшая в этом учебном заведении. Мой отец долл, уговаривал нашего соседа русского отдать своего сына в коммерческое училище, но тот не соглашался. Он требовал, чтобы папаша не только платил за его сына в училище, но еще одевал его и кормил. После долгих торгов пришлось на это согласиться.

И вот я учусь в среднем учебном заведении. Но зачем мне все это? Я люблю музыку, я не могу жить без музыки. Люди, лишенные музыкального восприятия, кажутся мне калеками. Так было в детстве, так есть и сейчас.

Но мои родные, поставив перед собой задачу превратить меня в инженера, доктора или юриста, всеми силами пытались удержать меня от пагуной моей страсти. Я помню, когда я был маленьким ребенком, в час, когда мне по существовавшим правилам полагалось идти спать, меня часто не оказывалось дома, и родные знали, что найти меня можно у двери скрипача, жившего на одной с нами лестнице. Лежа на холодном мраморном полу, я слушал, как играет Гершберг, плакал и под музыку засыпал.

Наконец, я настоял на своем: меня начали учить музыке. Мне было тринадцать лет, когда я начал учиться играть на скрипке. В это же время учился в коммерческом училище и был стипендиатом художественного училища живописи. Вы понимаете, как мне трудно было так много учиться, когда меня тянуло на волю, когда меня на родительского дома тянуло к самостоятельной жизни.

Я уехал с бродячим цирком-балаганом в самую захудалую провинцию. Будучи неплохим физкультурником, музыкантом и достаточно «чуждаватым» парнем, я нашел себе прекрасное применение на этой первой ступеньке большой лестницы искусства. Два года я развлекал с балаганом, и вот 16-ти лет мне предложили поступить в оперетку. У меня был неплохой голос.

Отсюда начинается моя театральная жизнь. 1912 год. Кременчуг. Небольшая опереточная труппа. Я приезжаю на сезон, при чем должен оговориться, что никогда не только не играл в театре, но даже не был зрителем театра. И вот мне поручается роль старика лет 70 в оперетке «Игрушечка». Я никогда не видел таких опереточных стариков, но на мое счастье еще один актер получил сходную с моей роль. Я решил, что надо посмотреть, как он это будет делать. На репетиции я старался ему во всем подражать. Это мне удавалось. Когда же пришел день спектакля и надо было гримироваться, я чуть было не попался. Но я сел против моего портнера и старался загримироваться точно, как он. Роль была сыграна удачно, хотя, по правде сказать, была невелика.

Затем все пошло, как по маслу, я научился играть. Я знал всегда наизусть роли в пьесах, в которых играл, и когда я забуду из актеров заболел, и его заменил. Через год я уже был совсем «опытным» опереточным актером.

Я не люблю оперетты. И я ушел с эстрады. Помню мои первые эстрадные выступления. Однажды, когда публика мне аплодировала за какие-то попендельные куплеты «о темен», я вышел и сказал: «Довольно хлопать, я хочу хлопнуть». Я краснею сейчас, вспоминая об этой фразе. Но такова была культура, одесских окраин, а другой к тому времени я еще не воспринял.

Для характеристики дореволюционной эстрады приведу довольно забавный эпизод. Нас, маленькую группу эстрадников, в одном из городков Бессарабии постигла неудача. Сборов никаких. Но с нами был ганпор Мидельмахер, он же исполнитель русских танцев Муратов, он же исполнитель лезгинки Пашилькидзе. Несмотря на всю его универсальность, сборов не было. Что делать? Нельзя ли создать что-нибудь экстраординарное? Я узнал, что в этом городке никогда еще не было негра. У меня

мелькнула «гениальная» мысль «создать» негра. Уж если Мидельмахер может быть Муратовым и Пашилькидзе, почему ему не быть Джоном Джонсоном.

Мы выкупили афишу: «Едет Джон Джонсон из Бразилии». Сбор сверхогромный. На сцену выходит невысокого роста толстый человечек в каракулевом парике, с маленькими усиками, и начинает под музыку «кэ-уока» выкрикивать какие-то дикие несуществующие слова, при чем одно из этих слов было исковерканным словом на еврейском языке. Евреи, сидевшие в театре, думая, что это «по-английски», хохотали до упаду. После этого Джон Джонсон танцевал «кэ-уок». Я был кофрансье этого «облестящего выступления» и читал лекцию о Бразилии, находящейся «на юге Африки».

Так прошло два дня. На третий день является пристав:

— Где ваш Джон Джонсон?..

— Простите, господин пристав, — говорю я, — он очень дикий человек и из своей убогой никуда не выходит.

— Не, валийте дурака, давайте-ка его сюда.

— Мидельмахер, — кричу я, — иди сюда. Появляется наш Джон Джонсон, еще недогримированный; наполовину негр, наполовину белый.

— Вы что, негр? — спрашивает пристав.

— Нет, еврей.

— А почему вы выступаете негром?

— Я не пишу правожительства, но право на

грам я имею в каждом городе.

— А почему же вы пишете, что приехали из Бразилии?

— Я в Одессе живу, в гостинице «Бразилия», — отвечает Мидельмахер.

Разговор был короток. Выступление Джонона запрещено. И снова нужда, голод, путешествие по шлалам.

Но вот опять Одесса-мама. И я снова стрелюсь в ее материнские объятия.

Маленький театр, нетребовательная разублаженная публика. Одесса, где даже воры имеют свой театр, театр «Комета», где публика состояла из воров и их любовниц. В этом театре я «парил».

(Продолжение в след. М)